

XXXVI г.

№ 39

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXXVI

1905

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выданъ 1-го октября 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за октябрь 1905 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за октябрь 1905 г. съ 27 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 33 рис. руководящихъ работъ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1905 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи . . .

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“
Ришельевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи . . .

8 р. За
гра-
ницу. **12 р.**

Испорченная натура.

Повѣсть.

Кн. М. В. Волконской.

(Продолженіе).

Пелагея, дѣйствительно, вѣхала въ пріютъ, полная суетливаго возбужденія и сознанія важности своей миссіи и представительства, но, когда начальница приняла ее, какъ даму, пожала ей руку, усадила у себя и утонченно-вѣжливо разсказала въ подробностяхъ все происшедшее ночью, и главное, когда она, Пелагея, передала согласіе Райсы Павловны на какое-угодно наказаніе для Анютки, и отказъ генеральши взять дѣвочку домой, все время употребляя слово «онѣ» про Гогольцеву, — неловкость и смущеніе, и даже недовольство охватили обѣихъ женщинъ. Когда же Пелагею провела уже не начальница, а пепиньерка, т. е. помощница класной дамы, къ наказанной Даниловой, оставленной въ дортуарѣ, — смущеніе старухи смѣнилось недовольствомъ на пріютъ и жалостью къ

Анюткѣ. Анютка, сильно похудѣвшая и пожелтѣвшая, съ потухшими глазами, медленно встала съ табурета и, хромая, повинувась приказанію пепиньерки, пошла Пелагеѣ навстрѣчу.

— Чего-жь ты это драгаться выдумала? — черезъ нѣ-

Гробница Геркулеса. Картина А. Бѣклина, авт. «Нивы».

сколько минут, оставленная одна съ дѣвочкой, шопотомъ допытывалась бывшая крѣпостная у ребенка.—Нешто можно сонную бить? Вѣдь у нея, мнѣ ваша начальница сказала, падушая вѣдь у ней теперь... Какъ же ты такъ, а?

Но Анютка слушала Пелагею съ тупо-равнодушнымъ видомъ и молчала.

Всѣ упреки, все происшедшее не вызывало въ ней никакого раскаянія.

Пелагея уѣхала, поглядѣвъ на раны дѣвочки; Данилову примѣрно наказали, оставивъ нѣсколько дней на хлѣбъ и водѣ, такъ какъ сѣчь, въ виду сыпи и ранъ, положительно не было возможности, и пріютская жизнь вошла въ свою колею. Анюткина жертва отошла и вернулась въ классъ, а Данилова продолжала спать со всѣми и продолжала страдать безсонницей, т. е. просыпаться среди ночи и мучиться зудомъ; классныя дамы попрежнему продолжали жить и служить, и бѣлевая, умная и образованная, бывшая «шестидесятница», т. е. женщина 60-хъ годовъ, попавшая въ кастелянши путемъ униженныхъ просьбъ, продолжала ненавидѣть и свое дѣло, и попечителя, давшаго ей мѣсто, и помѣщеніе, и дѣвочекъ. Дѣвочки же попрежнему продолжали надувать начальство, нехотя учились, шили, и на шитьѣ, строчкѣ и вышиваньѣ теряли зрѣніе.

Однажды, проснувшись не поздно ночью, Данилова 2-я увидѣла худую, маленькую фигурку 15-тилѣтней слабогрудой Шаровой, стоявшей босикомъ, въ открытой рубашкѣ и истово крестившейся.

— Чего ты не спишь?—съ досадою окликнула ее Анютка.—Спать другимъ только мѣшаешь! Меня разбудила!..

Шарова затрепетала, какъ пойманная на мѣстѣ преступленія, испуганно перекрестилась мелкимъ крестомъ, потомъ быстро юркнула подъ одеяло и затихла.

Проснувшись на слѣдующую ночь, Анютка не замѣтила Шаровой, также и на вторую, и на третью ночь, но на четвертую, еще не садясь на постели, Данилова увидѣла дѣвочку. Шарова, попрежнему, въ одной рубашкѣ, стояла босая у изголовья своей кровати. Ея худая, узкая, сѣрая шея, съ выпиравшими ключицами, ясно отдѣлялась отъ полотна бѣлья, и она то опускалась на колѣни и надолго припадала лицомъ къ полу, то поднималась и съ молитвеннымъ выраженіемъ, крестясь, поднимала глаза къ крошечному образку, висѣвшему на кровати.

— Шарова, ты чего? Опять молишься? —спросила Анютка.—А-а, Шарова?

Стоя на колѣняхъ, Шарова прислушивалась: голосъ Даниловой не былъ насмѣшливый, а измученный, больной. Она встала и, осторожно ступая на пальцы, подошла къ кровати Анютки.

— Ты что-жь это, опять проснулась?—выговорила она.

Маленькіе, добрые глаза ея блестяли.

— Проснулась,—отвѣчала Анютка.

— Болитъ?

— Чешется, страсть!..

— Гдѣ?

— А вездѣ!..

— Ишь, бѣдная!—сказала Шарова.—Дай я тебѣ поглажу. Ты не дери такъ. Хуже, коли дерешь.

— Не дери!..—злбно и обиженно повторила Анютка.— Ты вотъ попробуй,—тогда и говори!.. А то не дери!..

Анютка оттолкнула-было Шарову, но та присѣла къ ней на кровать и стала гладить ей спину.

— А вѣдь у тебя меньше сыпи на тѣлѣ-то,—сказала она, помолчавъ.

— Меньше, а зудитъ все такъ же,—отвѣчала Анютка.— А ты что-жь, всегда такъ молишься? —добавила она и въ польборота поглядѣла на собесѣдницу.

— Молюсь,—уклончиво и неохотно выговорила Шарова.

— Кажную ночь?..

— Ну, не кажную, а почти-что...—прошептала Шарова.

— А зачѣмъ?

— Худыя мы,—сказала дѣвочка.

— Кто?—удивилась Анютка.

— Всѣ!..—отвѣтила Шарова.—Всѣ люди худые.

— Н-ну!—мотнула по привычкѣ вверхъ головой Данилова.—И ты?

— И я!..—вздохнула Шарова.

— Н-ну-у!.. — съ сомнѣніемъ, протяжно повторила Анютка.

Шарову, прозванную начальницей «муравьемъ», всегда всѣмъ ставили въ примѣръ. Она всегда была чѣмъ-нибудь занята, всегда носила голубую и красную кокарды за прилежаніе и поведеніе; никто лучше ея не дѣлалъ сквозной строчки, всевозможныхъ замысловатыхъ складочекъ на бѣльѣ, никто не вышивалъ такъ, какъ она, гладью, съ большей охотой не гнуть спины и не портилъ глазъ за всевозможными работами-фокусами, которыми щеголяло начальство пріюта на ежегодныхъ выставкахъ.

Наступило вдумчивое молчаніе.

— Ахъ, Боже мой, какъ чешется!—простонала Анютка минутки черезъ двѣ.—Нѣтъ, нога! нога! —прокричала она, почти со слезами, растерявшейся Шаровой, гладившей ей спину и плечи.

— Дай, я ее потру,—сказала дѣвочка и, пересѣвъ подальше на кровати, стала гладить Анюткину ногу, сверхъ бинта.

Опять наступило молчаніе. Данилова сидѣла, закусивъ нижнюю губу отъ зуда и вперивъ страдальчески глаза въ лампу, горѣвшую высоко, на одной изъ стѣнъ, передъ изогнутымъ жестянымъ рефлекторомъ, въ каждой грани котораго красиво и ярко, до боли глазъ, отражалось пламя, освѣщавшее дортуаръ.

— Анюта, вотъ что я думаю,—начала вдругъ Шарова, не переставая гладить ногу товарки.—Знаешь, ты, должно, скоро помрешь.

— Чего?!—не испугалась, а скорѣе удивилась Анютка.

— Право слово,—съ невмѣняемой и несознаваемой жестокостью простолюдина, сказала Шарова и поглядѣла на Анютку.—У насъ такъ вотъ Петрова умерла... Когда тебя еще здѣсь не было.

Данилова, скося маленькіе глаза, посмотрѣла на опять уже опущенную къ ея ногамъ, черную аккуратную, атласистую, какъ у ласточки, головку говорившей.

— Да, у Петровой точь-въ-точь было какъ у тебя,—продолжала между тѣмъ Шарова: — сначала все чесалось... А потомъ нарывы пошли... ну, и умерла... Вотъ! А ты все шалишь,—докончила она.—Смотри, какъ бы въ адъ не пойти... Горѣ-ть будешь!

— Ну!..—сказала опять Анютка и тряхнула головой, но она была поражена и долго потомъ, когда Шарова уже ушла и молилась у своей кровати, дѣвочка, не сводя глазъ, смотрѣла на нее и о чемъ-то думала.

Черезъ двѣ недѣли докторъ, осматривая Данилову 2-ю, у которой сыпь совершенно пропала, и оставались только раны на ногахъ, вдругъ обратился къ лазаретной дамѣ:

— Н-н!.. Александра Петровна!.. Посмотрите-ка!..—и онъ тронулъ пальцемъ по спинѣ Анютку, чуть ниже лѣваго плеча.

Лазаретная дама пригнулась и тоже потрогала указанное мѣсто.

— Да ужъ я давно замѣчала.—выговорила она.—Да вотъ и тутъ, кажется, смотрите!—она тронула бедряную кость дѣвочки.

— Поднимите-ка руку,—приказалъ докторъ Даниловой.—Больно? Нѣтъ. А вотъ тутъ? Тоже нѣтъ. Ну, хорошо, одѣвайтесь,—сказалъ докторъ и, отойдя и понизивъ голосъ, сталъ что-то озабоченно говорить Александрѣ Петровнѣ.

— Покажите-ка еще ноги,—возвращаясь уже послѣ обхода всѣхъ остальныхъ больныхъ къ Даниловой, приказалъ онъ и, подождавъ, пока дѣвочка разувалась, и взявъ сначала одну ея ногу, потомъ другую за ступню, сталъ долго и пристально разглядывать раны, поворачивая ноги то въ ту, то въ другую сторону.

— Э-хе-хе!..—вдохнул онъ потомъ, и не велѣлъ пу-
скавъ Данилову въ классъ, а *на время* оставить въ лазаретъ.

— То-то счастливая!—замѣтила одна больная, услы-
шавъ отъ Анютки приговоръ врача.

Въ тотъ же вечеръ, когда въ залахъ и классахъ
пріюта были зажжены спускавшіяся съ потолка лампы
съ картонными круглыми, широкими зелеными абажу-
рами, и то одна, то другая воспитанница вставали на
табуретъ, поворачивали фитиль, убавляя пламя начи-
навшихъ коптить лампъ,—въ пріютѣ разнеслась зловѣ-
щая вѣсть: «у Даниловой 2-й холодная опухоль».

Никто изъ дѣвочекъ не зналъ, что это такое, но всѣ
знали, что это смертельно.

«Ну, вотъ!.. Я говорила ей, что умретъ она!..»—по-
думала худенькая Шарова, и блѣдное лицо ея съ острень-
кимъ носомъ выразило тревогу.

Минуть черезъ пять, послушавъ, что говорили то-
варки, дѣвочка встала и, волнуясь, краснѣя и блѣднѣя,
попросила разрѣшеніе у Евгеніи Александровны пойти
навѣстить Данилову въ лазаретъ.

— Хорошо, — отрывисто пробасила классная дама.—
Ступай, только ненадолго.

И совершенно не чувствуя, что она въ чемъ-нибудь
виновата передъ Анюткой и ей подобными, Евгенія
Александровна, строго-официально оглядѣвъ сѣрыми хо-
лодными глазами Шарову и классъ, вернулась къ испол-
ненію своихъ обязанностей—«воспитательницы».

Шарова, накрывъ работу чистой скатертью и отодви-
нувъ пальцы, въ которыхъ она вышивала полотенце
русской двойной гладью (съ лицевой и лѣвой стороны),
поговорила съ товарками и вышла.

«Прямо въ адъ!..—думала она, поднимаясь по лѣст-
ницѣ въ лазаретъ.—Прямо!»

Въ лазаретъ, т. е. въ одной изъ его комнатъ, было
свѣтло, уютно и довольно-таки весело.

Тяжело-больныхъ никого въ эти дни (кромѣ Кустовой,
которая умирала въ чахоткѣ и лежала въ другой, край-
ней комнатѣ) не было. Дѣвочки, кто съ подвязанной щекой
или рукой, кто съ завязаннымъ ухомъ или шеей, собра-
лись у стола въ кружокъ, и между ними была и Анютка.

Войдя въ дверь лазарета, Шарова остановилась и,
поднявъ руку къ красившей ея и ея пріютскій костюмъ,
красной, какъ макъ, кокардѣ на тонкой шеѣ, застыла,
наблюдая за Даниловой.

Анютка, въ длинномъ лазаретномъ сѣренькомъ халатѣ,
полусидя на стулѣ, полулежа на столѣ, рассказывала
что-то смѣшное и таинственное товаркамъ, очевидно
вызывая своимъ рассказомъ (который она вела тихо,
съ опаской) усиленное вниманіе и любопытство.

— Ишь, ты!.. — вскрикнула одна дѣвочка не то съ
восхищеніемъ, не то съ недоумѣніемъ на какія-то ея
слова и захихикала.

Другія тоже улыбались.

Шарова постояла, посмотрѣла на таинственно шеп-
тавшееся собраніе и потомъ рѣшительно подошла къ столу.

Дѣвочки вздрогнули, испуганно оглянулись и умолкли.

— Фу, ты, Шарикъ, какъ напугала! Мы думали это
Александра Петровна...—сказала одна изъ нихъ, боль-
шая, полная съ бѣльмомъ на глазу и ноготкомъ на
одномъ изъ пальцевъ правой руки.

— Нѣтъ, это я,—сконфуженно отозвалась Шарова и
не покраснѣла, а слегка порозовѣла.—Данилова, это я
тебя провѣдать пришла.

— А-а! — сказала Анютка. — Пришла, такъ пришла!
А что? — добавила она, сверкнувъ на нее большими,
усталыми, но вдругъ зажегшимися задоромъ глазами.

— Нѣтъ, такъ, ничего!—тихо вымолвила Шарова.

— Ну, садись,—предложила Анютка.

— Нѣтъ, я лучше въ другой разъ приду.

— А ну, въ другой, такъ въ другой!—тогдашъ согла-
силась Анютка и такъ смѣшно подмигнула, что дѣвочки
опять захихикали.

— Шарова, а какъ тебя звать? — спросила дѣвочка
съ бѣльмомъ.—Да ну, скажи..

— Меня-то?.. Машей!—неохотно сказала Шарова.

— А по батюшкѣ?

— Зачѣмъ тебѣ?.. Ивановной... — сказала Шарова,
опять не краснѣя, а розовѣя.

— Значить: Марья Ивановна?—вопросительно выго-
ворила дѣвочка съ бѣльмомъ, насмѣшливо улыбаясь и
переглядываясь съ товарками.—Да?

— Да!—подтвердила Шарова.

— Марьями Ивановнами зовутъ только свиньи,—
сказала, отчеканивая слова, Анютка и побѣдоносно по-
смотрѣла на дѣтей и подростковъ.

Громкій хохотъ раздался ей въ отвѣтъ.

У Шаровой слезы навернулись на глаза.

— Анюта, ты помнишь, что я тебѣ говорила? По-
мнишь? Намедни съ ночью... — шепнула она, нагибаясь
къ Даниловой и глядя ей въ глаза.

— Когда-то?..—нахмурилась Анютка.

— Не помнишь? Нѣтъ? — спросила Шарова и, вы-
ждавъ, докончила еле слышно:—а ночью-то, объ адѣ?..

— А, ну тебя!—разсердилась и отмахнулась Анютка,
и вдругъ, съ вспыхнувшимъ опять задоромъ, зашѣла:

«Мы как... мы как... мы кактусы сажали...»

Шарова постояла, посмотрѣла на нее, вдохнула, по-
слушала и пошла-было изъ лазарета, но не успѣла она
дойти до двери, какъ Анютка неожиданно оборвала пѣсню
и позвала ее:

— Шарова!.. А, Шарова!..

Дѣвочка остановилась на порогѣ.

— Чего тебѣ?

— Шарова, тебѣ кланяется Маша,—сказала Данилова.

— Какая?—спросила удивленно Шарова.

— Свинья наша,—отвѣтила Анютка и высунула языкъ.

IV.

— Что-жъ теперь дѣлать? — спрашивала Гогольцева,
старчески пожевывая губами, несмотря на ровные бѣлые
искусственные зубы, изъ которыхъ, нѣкоторые уже вы-
пали, что придавало челюсти особенно натуральный
видъ.—Что-жъ теперь дѣлать?

Она курила, сидя въ спальнѣ, передъ однимъ изъ
туалетовъ (въ комнатѣ ихъ было три), одѣтая въ свѣтло-
голубой заношенный кашемировый капотъ, отдѣланный
бѣлыми кружевами, отъ пыли, грязи, кофейныхъ и иныхъ
пятенъ казавшимися сѣро-желтыми. Коричневые длин-
ные волосы ея были только-что расчесаны и распущены
по спинѣ. Щеки—ярко-розовы. Передъ ней, лицомъ къ
ней и спиной къ окну, сидѣлъ въ тужуркѣ, вытянувъ
ноги, одинъ изъ ея сыновей-офицеровъ и пилочкой
старательно, такъ что всѣ мускулы его лица принимали
въ этомъ участіе, чистилъ ногти.

Другіе сыновья тоже были въ комнатѣ. Одинъ дер-
жалъ въ рукахъ крышку отъ фарфоровой банки и, при-
щуривая то одинъ, то другой глазъ, разглядывалъ ри-
сунки на этой крышкѣ. Другой, разстегнувъ жилетъ, ку-
рилъ и, медленно постукивая пальцемъ по папиросѣ, выни-
мая ее изо рта, наблюдалъ, какъ и куда падалъ пепель.

— Что-жъ теперь дѣлать?—еще разъ повторила Раиса
Павловна.

Офицеръ у окна поднялъ глаза и слегка пожалъ плечами.

— Да ничего!..

— Какъ ничего?

— Да такъ!.. Ничего... Что-жъ можно сдѣлать!.. Уми-
раетъ, и прекрасно дѣлаетъ. Куда бы она послѣ дѣва-
лась?.. Прескверная дѣвочка!

Гогольцева помолчала.

Дѣйствительно, дѣваться прескверной дѣвочкѣ ни
теперь, ни послѣ было некуда. Фактъ этотъ былъ неоспо-
римъ, но Раиса Павловна чувствовала, что, несмотря на
этотъ фактъ, что-то требовалось отъ нея къ-то, что-то
ожидалось... Ожидалось и классной дамой, которая при-
везла вчера письмо, и начальствомъ пріюта, да и вообще

Утренній туалет нуклы. Картина Фожеронь, грав. Ш. Бодь.

Лакомка. Картина Е. Е. Робертса, авт. «Нивы».

всѣми, всѣми: и прислужгой, и самими сыновьями, говорившими, что ничего не надо дѣлать, и знакомыми, и опекаемыми дѣтьми и, главное, это было самое мучительное, самимъ сердцемъ Раисы Павловны.

— Я попрошу Леонтія Васильевича къ ней съѣздить, — рѣшила, наконецъ, Гогольцева и обвела взглядомъ, по очереди, всѣхъ сыновей.

— Что-жъ, попроси!.. — отвѣтилъ офицеръ у окна и всталъ. — Я сейчасъ уйду, къ намъ въ клубъ, — докончилъ онъ, поцѣловалъ мать и вышелъ въ коридоръ, но тотчасъ вернулся.

— Мамъ!.. Тамъ Валя съ Ваней подрались и Гаврюшѣ, кажется, досталось... — беззвучнымъ баритономъ выговорилъ онъ, будто съ трудомъ произнося слова, и вновь вышелъ изъ комнаты.

Раиса Павловна поднялась во весь свой прекрасный ростъ, посмотрѣлась въ зеркало, отвела рукой прядь волосъ, спустившуюся на плечо, и медленно-грустно пошла за сыномъ.

— Дрянъ!.. Сволочь!.. — неслись изъ залы разсерженные, слезливые дѣтскіе голоса.

Кто-то громко плакалъ.

— Она меня за волосы!..

— Неправда, ты меня раньше!..

Гогольцева вышла въ залу, и началась разборка.

Въ тотъ же день, Харитонъ съѣздилъ за Леонтіемъ Васильевичемъ Добржецкимъ, полковымъ врачомъ того полка, гдѣ служили двое сыновей Гогольцевой, и когда Леонтіи Васильевичъ пріѣхалъ, Раиса Павловна передала ему свою просьбу — навѣстить и осмотрѣть Анютку.

— Слушаю-съ. Завтра же поѣду, — пообѣщалъ Добржецкій, кланяясь корпусомъ.

Но завтра поѣхать ему не удалось, какъ не удалось и послѣзавтра и еще нѣсколько дней. Только черезъ недѣлю, списавшись предварительно, какъ того требуетъ докторская этика, съ пріютскимъ врачомъ, поѣхалъ онъ, наконецъ, въ пріютъ и совместно со своимъ пріютскимъ коллегой подвергъ «тщательному осмотру» (какъ онъ послѣ выражался) Данилову. Заключение послѣ этого осмотра было подтвержденіе прежняго приговора: золотушное худосочіе и вѣроятно (хотя не навѣрно) на сифилитической почвѣ.

Гогольцева даже перекрестилась нѣсколько разъ, услышавъ опредѣленіе и наименованіе Анюткиной болѣзни.

— Что это, такое? — спросила она и, слушая медицинское объясненіе доктора, благодарила Бога, что это случилось не у нея въ домѣ.

«Всѣхъ бы перезаразила!..» — думала она.

— Отчего же это у нея? — освѣдомилась она, когда Добржецкій кончилъ научное объясненіе, и вопросительно-встревоженно уставилась на Леонтія Васильевича. Докторъ пожалъ плечами.

— Кровь, знаете, плохая, — чиркая спичкой о рубчатую дощечку серебрянаго портсигара и наклоняя набокъ голову, сказалъ онъ и, закуривъ папиросу, откинулся на спинку кресла. — Затѣмъ, плохое питаніе.

Онъ спряталъ портсигаръ въ карманъ.

— Ну-у, она много ѣла, — встала Гогольцева.

— Да, это у васъ, а раньше... И вообще жизненные условія. Ее давно надо бы купать, лѣчить, на морской воздухъ послать...

Докторъ остановился, чувствуя, что говоритъ лишнее. Гогольцева молчала. Добржецкій тоже помолчалъ, потомъ искусно перемѣнилъ разговоръ, т. е. совершенно незамѣтно, сказавъ еще что-то объ Анюткѣ, перешелъ къ худосочію вообще и рассказалъ о случаѣ съ ребенкомъ одного полкового офицера, потомъ рассказавъ о давнейшей наканунѣ новой оперѣ, и разговоръ завязался, менѣе опасный, безъ иглъ, шиповъ и зацѣпокъ...

Гогольцева съ интересомъ слушала его. Онъ оживленно рассказывалъ... А души обоихъ думали о другомъ.

Потомъ Добржецкій уѣхалъ.

Анютка, между тѣмъ, стала жить въ лазаретѣ, т. е. завѣдомо и видимо для другихъ, но безсознательно, къ счастью, для себя, медленно гнить.

Сначала ей не было скучно. Саша, Пелагея и даже кухарка Катерина нѣсколько разъ навѣстили ее. Пріѣхала разъ и сама генеральша, и всѣ привезли ей гостинцевъ.

Пришли къ ней нѣсколько разъ воспитанницы и изъ ея класса, и изъ старшаго. Одна Шарова больше не приходила и старалась даже не слушать, если въ классѣ говорили о Даниловой 2-й. Но потомъ, черезъ нѣсколько недѣль, какъ и слѣдовало ожидать, живые и здоровые, или несомнѣнно больные, стали думать «о живомъ», т. е. о своемъ тѣлѣ, какъ бы его накормить, напоить, уберечь отъ простуды, болей, прихорошить его; о своей «карьерѣ», какъ бы лучше, интереснѣе, веселѣе провести день и пр., и пр., и перестали посѣщать, «забыли» Анютку. И мало-по-малу, одиночество и тоска охватили дѣвочку. А недоуманье тихое, странное, ничѣмъ ясно пока не выраженное, кромѣ ранъ на ногахъ, стало все расти и расти. Часами теперь просиживала дѣвочка у окна, угрюмая, хмурая, — смиренно, почти не шевелясь, глядя съ глубокой, безсознательной душевной работой на бѣлый снѣгъ, хлопьями падавшій съ неба, покрывавшій сѣрья, заснувшія на зиму деревья, а иногда безшумно срывавшійся съ нихъ и летѣвшій внизъ; смотрѣла на бѣлую, красивую, на видъ крѣпкую пелену, въ саду подъ деревьями, на которую изрѣдка прилетали жизнеполныя, энергичныя, большія вороны, двигавшія головой вверхъ и внизъ, издавая при этомъ особый, свойственный имъ гортанный крикъ; смотрѣла, когда была оттепель, на черные мокрые суки и вѣтки, шатавшіеся въ ту и другую сторону отъ порывовъ вѣтра, иногда слышнаго и въ трубѣ лазаретной печи, если забывали закрыть отверстіе обѣими вьюшками; смотрѣла на чернѣвшій, взбухавшій и превращавшійся въ капли снѣгъ на лужайкахъ и подъ деревьями; и уныло, и тяжело было сердцу дѣвочки.

Больныя и завязанныя выздоравливали и уходили. Анютка, сначала радовавшаяся ихъ приходу, потомъ, во время ихъ пребыванія въ лазаретѣ, начинавшая всориться съ ними, говорила, что радуется ихъ уходу... Но въ душѣ ея тоска, одиночество и сознание заброшенности, съ каждой выздоравливающей и уходившей, все увеличивались.

Кустову, лежавшую въ крайней комнатѣ, запрещалось часто навѣщать.

Она все сильнѣе и труднѣе кашляла, обливалась по ночамъ потомъ, иногда сильно горѣла, стонала и задыхалась; но иногда увлекалась планами и проектами для себя въ будущемъ, думала о томъ, что сдѣлаетъ первымъ дѣломъ, когда встанетъ... и съ каждой недѣлей худѣла и слабѣла все больше и больше. Жена попечителя, послѣднее время, каждый день стала присылать ей въ изящной посудѣ то бульона, то рябчика, то уха изъ налима или свѣжихъ ершей, или икры и краснаго столоваго вина, или крѣпкаго портвейна, мадеры или еще чего-нибудь... И странное впечатлѣніе производили эти посылки на остальныхъ дѣвочекъ: онѣ и знали, что Кустова умираетъ и оттого ей «такое баловство», и завидовали ей, и даже желали быть на ея мѣстѣ.

Анютка тоже всякій разъ злыми, завистливыми глазами провожала женщину, проносившую присланное въ крайнюю комнату.

Разъ, сидя у окна и чувствуя общую усталость (лихорадка, какъ всегда, была невелика), она глядѣла на деревья, на дорожки, на сѣрое небо, по которому неслись тоже сѣрья, только темнѣе фона, облака, и вдругъ вся превратилась въ наблюдательность. Взглядъ ея скользнулъ по наружному краю оконнаго углубленія (домъ былъ старинный, и стѣны его, какъ бойницы, въ нѣсколько кирпичей), скользнулъ, поднялся къ крышѣ противоположнаго флигеля и снова вернулся къ амбразурѣ. На лѣвой сторонѣ ея, тамъ, гдѣ слѣзъ верхній

Слой крашеной штукатурки, и видѣлась ноздреватая известка, дѣвочка ясно различила контуръ мужской фигуры. Фигура эта — господинъ въ свѣтломъ пальто съ темнымъ мѣховымъ воротникомъ и мѣховыми отворотами на рукавахъ,—была поразительно жизненная, точно «нарисованная», а живая. Такъ казалось Анюткѣ, и она стала съ любопытствомъ и внутреннимъ оживленіемъ еще и еще вглядываться въ нее. Господинъ сидѣлъ, закрывъ глаза и отклонившись головой на высокую спинку не то вагона, не то кареты. Кругомъ него было полутемно. На лобъ его чуть слѣзъ картузь съ козырькомъ и мѣховой оторочкой и, казалось, вотъ-вотъ сползетъ и дальше на глаза и лицо. И Анютка глядѣла-глядѣла, наблюдала-наблюдала и думала-думала. Рядомъ съ господиномъ ясно былъ виденъ недоконченный женскій профиль, съ длиннымъ и узкимъ носомъ, отчасти захватывающимъ голову господина, но силою воли, дѣвочка заставляла себя не видѣть этотъ профиль. Минутами ей казалось, что вотъ господинъ проснется, выпрямится, встанетъ, и все оживетъ въ его вагонѣ, задрожитъ лучами свѣта и движенія... Умомъ она знала, что этого не можетъ быть, но ей хотѣлось такъ «доглядѣться», такъ прищуриться, чтобы это случилось... Еще въ раннемъ дѣтствѣ, т. е. когда Авдѣевъ привезъ ее къ Гогольцевымъ, дѣвочка часто забавлялась подобнымъ же развлеченіемъ, никѣмъ, кромѣ нея, невидимыми на обояхъ звѣрюшками, какъ она выражалась. То вмѣсто усиковъ (т. е. пестиковъ) цвѣтка или вмѣсто листка она видѣла дѣтей, то нищую, или страшное человѣческое лицо, или звѣря, или какое-то чудовище, или солдатъ и т. д., и т. д.; но тогда, въ дѣтствѣ, развлеченіе это было преходящее. Теперь уже наблюдать за господиномъ, за измѣненіями въ его мѣховыхъ оторочкахъ на картузѣ, воротникѣ и рукавахъ,—измѣненіями, зависящими отъ сырой или сухой погоды,—стало почти единственной духовной потребностью и радостью Анютки, радостью, помогавшей ей сравнительно равнодушно даже наблюдать за присылаемыми яствами для Кустовой.

Въ концѣ ноября въ пріютъ пріѣхалъ, наконецъ, новый священникъ, тяжело захворавшій по дорогѣ и оставившій безъ законоучителя заведеніе около трехъ мѣсяцевъ.

Требы и богослуженія совершалъ за это время приглашаемый изъ подворья монахъ. И сразу, какъ только отецъ Николай пріѣхалъ, онъ внесъ и какой-то снопокъ свѣта въ пріютскую жизнь и раздѣленіе.

Молодой, высокій, худой, аскетической наружности, съ грустными, сѣрыми большими глазами и цвѣтомъ лица, напоминавшимъ о церковномъ, блѣдномъ, неподжаренномъ хлѣбѣ, т. е. просфорѣ, какъ оригинально выражались дѣвочки, онъ казался не отъ міра сего, и странно было видѣть около него его семью, не старую, уже сформировавшуюся, но нарождающуюся одновременно съ его апостольскимъ служеніемъ, странно было знать, что у него есть маленькіе сорванцы Колечка, Петечка, Симочка, грудной ребенокъ и жена, нервная, измученная частыми родами, которую онъ звалъ Манюрой.

Первая проповѣдь, которую онъ сказалъ, была о Богѣ: «Гдѣ Богъ?..»

Онъ обратился ко всему заведенію, къ воспитательницамъ и начальству, съ этимъ вопросомъ послѣ первой литургии и, стоя на возвышеніи амвона, обвелъ всю церковь грустными и вмѣстѣ смѣлыми испытующими глазами.

— Если васъ спросятъ: гдѣ солнце, безъ котораго ни одна травинка не вырастетъ, ни одинъ хлѣбъ на полѣ не созрѣетъ, ни одинъ человѣкъ не будетъ живъ и здоровъ,—вы скажете, гдѣ оно. Если васъ спросятъ, гдѣ мѣсяцъ, безъ котораго такъ темно ночью, вы тоже сумѣете отвѣтить: гдѣ онъ. Но гдѣ Богъ?.. Кто изъ васъ скажетъ, гдѣ Онъ? Кто Его видѣлъ?.. Есть ли Онъ, если Его никто не видѣлъ?

О. Николай вновь обвелъ церковь взглядомъ, помолчалъ и началъ:

— Видѣли вы человѣка, строившаго этотъ храмъ, этотъ домъ вообще, этотъ пріютъ? Нѣтъ, а между тѣмъ, этотъ человѣкъ выстроилъ это зданіе, значитъ, онъ былъ. Кто насъ выстроилъ—мы не знаемъ. Но въ Евангеліи сказано: «развѣ вы не знаете, что въ храмъ Божій есть?» Итакъ, этотъ храмъ мы сами, и онъ, этотъ храмъ, намъ, слѣпымъ, доказываетъ, долженъ доказать существованіе нашего невидимаго Зодчаго. Что значитъ быть храмомъ Божиимъ? Какъ мы такіе слабые, хилые, злые душевно и некрасивые внѣшне, какъ мы всѣ можемъ быть храмомъ Божиимъ, а мы можемъ всѣ, вотъ вы самыя здѣсь младшія (онъ поглядѣлъ на дѣвочекъ младшаго отдѣленія) и дѣти еще меньше васъ, ваши младшіе братья и сестры, и всѣ самыя старшія (онъ поглядѣлъ на старшихъ воспитанницъ и перевелъ глаза на классныхъ дамъ, начальство и даже прислугу, сторожей, купца-квитора и старосту),—всѣ мы можемъ быть храмомъ Божиимъ. Но какъ же? Какъ?..

И, сказавъ еще нѣсколько словъ и вновь помолчавъ, онъ приступилъ къ объясненію.

Импровизированная рѣчь его лилась просто, вдохновенно, переполненная то наивными, повседневными приѣмами, то оригинальными художественными сравненіями.

— Чѣмъ отличается храмъ, церковь, отъ всякаго другого помѣщенія?—вновь спрашивалъ онъ. — Тѣмъ, что въ храмѣ иное содержимое, чѣмъ въ любомъ помѣщеніи, домѣ, строеніи. Нѣтъ партъ и черной доски, какъ въ классѣ, нѣтъ мебели, какъ въ столовой, гостиной или залѣ, нѣтъ кроватей, какъ въ дортуарѣ, счетныхъ книгъ, какъ въ конторѣ, нѣтъ кулей муки или зерна, какъ въ амбарѣ и пр., и пр. Нѣтъ и тѣхъ разговоровъ. Въ церкви есть иконы. Есть въ церкви еще особенный столъ, на которомъ не читаютъ, не занимаются, даже не касаются его такъ просто руками... И раздаются еще въ церкви какія-то особенныя слова, рѣчи, пѣсни, которыя такъ, какъ въ храмѣ, не раздаются нигдѣ. Если послушаешь ихъ внимательно, захочется быть лучше, всѣхъ любить... всѣхъ жалѣть... всѣхъ обнять... всѣмъ помочь. Но что же значитъ быть храмомъ Божиимъ? Значитъ—дѣлать не только то, что требуетъ наше тѣло для своего удовольствія, но дѣлать и то, что требуетъ наше внутреннее чутье, наше сердце, нашъ духъ. Хочется, наприимѣръ, кому изъ васъ сладкаго, а сладкаго нѣтъ, но знаетъ тотъ, кому хочется, что можно безнаказанно и незамѣтно стащить у классной дамы или кого другого кусочекъ сахарцу, положимъ. (Воспитанницы переглянулись, улыбаясь.) И вотъ, если такой человѣкъ или такая дѣвочка удержится, не потому, что побойтса, что ее поймануть, а потому, что она послушается своего сердца, которое говоритъ: «Не бери чужого. Не хорошо брать»... Такая дѣвочка будетъ въ эту минуту храмомъ Божиимъ.—Если вы захотите обмануть кого-нибудь—подругу ли, начальство ли, родителей, послать за чѣмъ-нибудь запрещеннымъ сторожа, дѣвушку, кого-нибудь (по церкви пронесся шорохъ); прочесть ли что тайкомъ интересное, отнять ли у кого что, поссориться, выбраться, солгать, оклеветать кого и удержитесь, не потому, что побойтса послѣдствій, а потому, что внутри себя вы знаете, что это худо,—вы въ эти минуты будете храмомъ Божиимъ. Почему? Да потому, что сдѣлаете это не для своего удовольствія, не изъ выгоды, не изъ самолюбія, изъ тщеславія, не для своего тѣла, а чтобы исполнить какой-то высшій, данный кѣмъ-то человѣку законъ. Спрашивается, многіе ли изъ васъ маленькихъ и большихъ, изъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь въ церкви, изъ всѣхъ людей, живущихъ во всѣхъ странахъ, дѣлаютъ такъ, т. е. исполняютъ то, что приказываетъ ихъ сердце? Не знаю.—Знаете ли вы?.. Не наоборотъ ли бываетъ въ жизни?..

...Что же, значитъ, евангельскія слова неточны, невѣрны?

Вечеръ на Карадагъ. Рисунокъ Э. Магдасиана, авт. «Нивы».

1) Графъ Д. М. Сольскій. 2) Князь А. Д. Оболенскій. 3) И. Я. Голубевъ. 4) Н. Н. Герардъ. 5) Баронъ Э. Ю. Нольде. 6) О. Б. Рихтеръ. 7) Н. М. Чихачевъ. 8) Н. С. Таганцевъ. 9) Э. В. Фришъ. 10) Графъ А. И. Игнатьевъ. 11) Д. Ф. Треповъ. 12) Князь М. С. Волконскій. 13) А. А. Половцовъ. 14) Баронъ Ю. А. Икскуль-фонъ-Гильденбантъ.

Особое Совѣщаніе графа Сольскаго для разработки дополнительныхъ о Государственной Думѣ правилъ.
По фот. Н. Ольшанскаго, авт. «Иллы».

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Съ Юга на Сѣверъ.

(Продолженіе).

Мы съ подполковникомъ нашли себѣ мѣста и заказали обѣдъ, не справляясь о цѣнахъ, заранее зная, что насъ никакими цѣнами не удивишь. О качествѣ обѣда говорить не стоить, потому что это тема очень грустная, тѣмъ болѣе, что этотъ обѣдъ вмѣсто осужденія приходится сѣдять, чтобы не умереть съ голоду. Однако моему сосѣду, который по справедливости могъ гордиться своимъ аппетитомъ, показалось, что къ курицѣ подано мало рису, и потребовалъ такую же прибавку. Послѣ этого мы вышли бутылку столоваго вина, цѣна которому (нормальная) 55 копеекъ за бутылку, и потребовали счетъ.

За вино поставлено было 5 р. 50 копеекъ. Упрощенный способъ надбавки цѣнъ по десятичной системѣ.

За столовую ложку прибавленнаго рису—2 рубля.

— Какъ? — вскричалъ подполковникъ, возмущенный до глубины души.—За весь обѣдъ полтора рубля вмѣстѣ съ рисомъ, а за одну ложку рису 2 рубля!?

— Отдѣльными порціями дороже-съ... — отвѣчалъ подававшій, снисходительно улыбаясь и удивляясь, какъ это почтенный подполковникъ не понимаетъ такихъ простыхъ вещей.

Противъ насъ сидѣлъ и уже кончалъ обѣдъ молодой врачъ. Изъ его дальнѣйшихъ объясненій мы узнали, что онъ только-что пріѣхалъ изъ Россіи. Какъ всѣ новички въ мѣстныхъ условіяхъ, онъ былъ весьма словоохотливъ.

Новые погоны на немъ были непомѣрно широки, и черненькая полоска, при отсутствіи звѣздочекъ, дѣлала ихъ похожими на капитанскіе погоны формы генеральнаго штаба.

— Это ужасно! Такія цѣны! — воскликнулъ онъ, завязывая съ нами знакомство.

Желая показать свою китайскую опытность, онъ замѣтилъ, что подполковникъ не такъ поступилъ, затѣмъ позвалъ лакея и велѣлъ подать еще одинъ обѣдъ.

— Я рисъ возьму, а обѣдъ вѣлю отнести обратно, посмотримъ тогда, сколько они сосчитаютъ за одинъ рисъ. Дѣйствительно ужасно мало даютъ рису.

На его лицѣ заиграла мѣфистофельская улыбка.

— Грабители! — говорилъ между тѣмъ подполковникъ, который никакъ не могъ забыть своего промаха. — Вы знаете, почему въ Харбинѣ на Пасху продавался творогъ?

— Напримѣръ?

— По полтора рубля за фунтъ-съ...

— Это ужасно... такія цѣны.

— За маленькую пасху, очень плохо приготовленную, я заплачу четырнадцать рублей-съ...

— Это ужасно...

Въ это время подали вторую тарелку зеленыхъ щей, на которую докторъ посмотрѣлъ съ пренебреженіемъ.

— Хлѣба, булокъ порядочныхъ нѣтъ,—не унимался подполковникъ:—а шампанскаго сколько угодно... и знаешь почему?

— ?

— По тридцать рублей бутылка!..

Въ это время подали курицу. Но если въ первый разъ при ней было мало рису, то теперь его совсѣмъ не было. Буфетчикъ перешитрилъ врача.

— А гдѣ же рисъ?—смущенно и чувствуя свое пораженіе спросилъ докторъ.

— Рису, извините, нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? А вонъ на томъ и на томъ столѣ сейчасъ подали...

— Это... остатки-съ...

Докторъ хотѣлъ что-то возразить, но не легко было возражать на слова, которые трудно было даже понять.

— Такъ возьмите все это прочь... мнѣ безъ рису не нужно...

— Обратно, извините, не принимаемъ.

Вмѣсто торжества докторъ почувствовалъ смущеніе и, покоряясь судьбѣ, потянулъ къ себѣ курицу: не пропадать же обѣду, за который придется платить деньги. Не желая прекращать съ нами бесѣду, онъ, однако, перемѣнилъ тему.

— Ко мнѣ уже нѣсколько офицеровъ обращались съ вопросомъ, почему у меня не форменные погоны. Я обыкновенно отвѣчаю на это, что я не портной и этихъ тонкостей не понимаю. На одной станціи какой-то жандармскій офицеръ совѣтовалъ мнѣ непременно перемѣнить погоны. Я ему говорю, что вѣдь здѣсь не Петербургъ — пошелъ въ магазинъ и купилъ. Гдѣ я тутъ найду? Да и наконецъ не все ли равно—широкіе погоны или узкіе—мнѣ это совершенно безразлично. А онъ и говоритъ: «Какъ же это вамъ все равно, если васъ, чего добраго, еще примутъ за офицера генеральнаго штаба»...

При послѣднихъ словахъ докторъ громко засмѣялся и былъ очень доволенъ, что они обратили на него всеобщее вниманіе.

Мы съ подполковникомъ вышли изъ столовой, стараясь сохранить твердую увѣренность, что мы сыты.

Опять 25 минутъ на тяжелый переходъ до станціи.

Тутъ мы встрѣтили знакомаго офицера, мѣстнаго жителя. Узнавъ,

что мы хотимъ ѣхать на югъ, онъ объяснилъ намъ, что для этого нужно записаться въ конторѣ, иначе на другой день мы не получимъ билетовъ. Мы вошли въ контору, гдѣ за столомъ сидѣлъ штабсъ-капитанъ и, держа наклонно большую книгу, скатывалъ съ нея, какъ съ горы, металлическій карандашикъ. Это былъ комендантъ станціи. На лѣвомъ рукавѣ у него имѣлась красная перевязь съ бѣлымъ значкомъ—колесомъ съ двумя крыльями неизвѣстной птицы. Благодаря этому значку китайцы называютъ комендантовъ станцій: «курица-капитанъ».

Мы попросили себя записать.

— Теперь уже поздно... Записи только до 4-хъ часовъ,—отвѣтилъ онъ, посмотрѣвъ на стѣнные часы.

— Но помилюйте, теперь только пять минутъ пятого, вы кстати находитесь здѣсь, и дѣло, которымъ вы заняты, навѣрно, можете отложить на неопредѣленное время.

— Я хотя и здѣсь, но имѣю право уйти, когда вздумую.

И чтобы доказать свое священное право, онъ всталъ и вышелъ изъ конторы.

Мы съ подполковникомъ въ недоумѣніи переглянулись и тоже вышли на платформу. Тутъ къ намъ подошелъ поручикъ, и хотя на рукавѣ онъ имѣлъ такую же перевязь, но оказался гораздо любезнѣе. Это былъ помощникъ коменданта.

Онъ сейчасъ же предложилъ насъ записать.

— У васъ, конечно, есть документы?—спросилъ онъ меня.

— Есть...

— Пожалуйста не беспокоитесь... Завтра вы получите билеты. Поездъ отойдетъ въ 10 часовъ утра.

Мы очень рады были, что дѣло окончилось такъ скоро и просто. На самомъ дѣлѣ для меня оно только начиналось.

Но пока грядущее было скрыто отъ нашего вѣдѣнія, мы беззаботно усѣлись на скамейку, гдѣ уже сидѣло нѣсколько офицеровъ. На платформѣ было тоже много офицеровъ и всѣ они, на пути къ буфету и отъ него, прогуливались передъ нашими глазами.

Если бы посторонній русскій человѣкъ заглянулъ сюда, то въ недоумѣніи спросилъ бы: кто же это такіе? Не военные ли это агенты иностранныхъ державъ? И это дѣйствительно можно было подумать. Изъ всей массы офицеровъ не было духъ одинаково одѣтыхъ. Условія походной жизни создаютъ самые разнообразныя костюмы.

Какъ разъ на эту тему разговорились всѣ сидѣвшіе на одной съ нами скамейкѣ. Насъ было девять человѣкъ, если же меня исключить, то восемь офицеровъ, и всѣ были одѣты въ лѣтнее платье разныхъ цвѣтовъ и формъ.

На одномъ былъ бѣлый китель двухъбортный, считающійся форменнымъ, на другомъ желтое хаки съ карманками на груди, на третьемъ темно-синяя рубаха русскаго покрою съ косымъ воротомъ и плохо сидящими погонами, на четвертомъ оливковаго цвѣта куртка на крючкахъ, у пятого блѣдно-зеленый китель съ металлическими пуговицами, но однорботный, у шестого опять куртка своего собственнаго покрою темно-коричневаго цвѣта и т. д., и т. д.

Передъ нами проходили офицеры въ черныхъ лакированныхъ сапогахъ, въ смазныхъ сапогахъ выше колѣни, въ башмакахъ и въ кожаныхъ гетрахъ чернаго, коричневаго, желтаго и блѣдно-блѣснаго цвѣта, въ мягкихъ низкихъ сапогахъ изъ сафьяна, въ парусиновыхъ, бѣлыхъ сапогахъ съ отдѣлкой изъ черной кожи и т. д.

Фуражки были также самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ или цѣликомъ изъ парусины, или съ парусиновыми чехлами, при открытомъ околышѣ. На нѣкоторыхъ офицерахъ были пробковые шлемы, а на головѣ одного полнаго поручика, который повидимому сильно страдалъ отъ жары, красовалась китайская конической формы соломенная шляпа.

(Продолженіе будетъ).

Харбинъ.

В. Табуринъ.

Вечеръ на Карадагѣ.

(Рис. на стр. 768).

Деревня Огузъ, съ ея садами и виноградниками, протянулась на нѣсколько верстъ по долинѣ того же имени, окачивающейся небольшимъ заливомъ. Устье долины ограждено съ с.-в. Карадагомъ, а съ ю.-з. Эскидагомъ.

Слово «огузъ» значитъ по-татарски и по-турецки «тридцать», и татары говорятъ, что долина получила такое названіе отъ турокъ, при которыхъ здѣсь находилось 30 деревень. Здѣсь, кромѣ татарскихъ виноградниковъ, есть нѣсколько хорошо устроенныхъ виноградныхъ садовъ.

На берегу залива, еще въ сороковыхъ годахъ, ясно были видны многочисленныя развалины крѣпостныхъ стѣнъ.

У нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей и на средневѣковыхъ картахъ, на берегу между Феодосіей и Судакомъ, упоминается два мѣстечка, принадлежавшихъ венеціанцамъ,—Калиера или Каллетра и портъ Провато.

Первое мѣстечко вѣроятно и есть нынѣшняя Огуза.

Можно думать, что на этомъ мѣстѣ находился городъ Фулла, по которому греческій епископъ или митрополитъ Судага (у грековъ Сугдалія) назывался сугдео-фуллинскимъ.

Городъ Фулла въ Крыму также упоминается въ древнихъ «актахъ константинопольскаго патріархата».

Молитва послѣ скорби.

Стихотвореніе М. Лохвицкой.

Мой Ангель-Утѣшитель,
Явись мнѣ въ тишинѣ.
Небесную обитель
Открой мнѣ въ тихомъ снѣ.
За жарь моихъ моленій
Подъ тяжестью креста,
Отверзи райскихъ сѣней
Завѣтныя врата.

Склонись къ слезамъ и стонамъ
Тоски пережитой;
Одѣнь меня виссономъ,
Дай вѣнчикъ золотой.

Отъ лилій непорочныхъ,
Что дышать въ небесахъ,
На сумракъ думъ полночныхъ
Страхни червонный прахъ.

Чтобъ вѣрить постоянно
Средь ужаса земли—
Ликующимъ «Осанна»!
Мой слухъ возвесели.

Страдать хочу я, зная,
Зачтень ли трудный путь,
Ведеть ли скорбь земная
Къ блаженству гдѣ-нибудь.

М. А. Лохвицкая-Жиберъ († 27-го августа с. г.).
По фот. Здобнова, авт. «Нивы».

М. А. Лохвицкая-Жиберъ.

(Портретъ и стихотвореніе на этой страницѣ).

Новая утрата въ нашей литературной семьѣ!

27 августа скончалась послѣ продолжительной болѣзни наша известная поэтесса Марія Александровна Жиберъ, болѣе знакомая читающей публикѣ подъ своей дѣвической фамиліей — Лохвицкая.

Умерла «русская Сафо», какъ звали въ литературныхъ кружкахъ покойную писательницу. И звали не безъ основанія: было нѣчто сближающее русскую поэтессу съ поэтессой античнаго міра, и это нѣчто заключалось въ характерѣ и содержаніи большинства ея пѣсень, всецѣло посвященныхъ любви и страсти.

Но было бы несправедливо ограничивать значеніе въ литературѣ М. А. Лохвицкой этимъ сравненіемъ: она была и вполнѣ самобытна, и талантъ ея былъ несравненно шире и ярче, чѣмъ у большинства современныхъ писателей и писательницъ, не говоря уже объ ея античной предшественницѣ. Лирическія произведенія М. А. Лохвицкой отличались красотою, блескомъ и звучностью стиха и несомнѣнной поэзіей содержанія. Воспѣвая любовь, она умѣла находить новыя краски, новые образы и уподобленія и создала много замѣчательныхъ по своей яркости и силѣ чувства шедевровъ въ этой, сказать по правдѣ, довольно-таки ограниченной и исключительной области поэзіи.

Покойная писательница—дочь известнаго криминалиста и судебного оратора, А. В. Лохвицкаго. Она родилась 19 ноября 1869 года и уже съ дѣвическаго возраста посвятила себя литературѣ. Первое ея стихотвореніе появилось въ печати, когда поэтессѣ не было еще и двадцати лѣтъ; первымъ журналомъ, пріютившимъ ея стихи, былъ «Сѣверъ», а крестнымъ отцомъ ея въ литературѣ—покойный романистъ Всеволодъ Соловьевъ.

М. А. Лохвицкая печаталась кромѣ «Сѣвера» въ «Художникѣ», «Наблюдателѣ», «Всемірной иллюстраціи», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ» и многихъ другихъ изданіяхъ. Въ 1896 году она издала свои произведенія отдѣльнымъ сборникомъ, и книжка стиховъ ея была сразу замѣчена читающей публикой, а академія наукъ присудила ей Пушкинскую премію.

М. А. Лохвицкая выпустила до послѣдняго времени пять книжекъ своихъ произведеній, и это почти сплошь небольшія стихотворенія. Крупныхъ вещей покойная почти не писала, если не считать нѣсколькихъ не совсемъ удачныхъ опытовъ въ драматическомъ родѣ.

Пѣсни любви и страсти—вотъ область, которую отвоевала себѣ М. А. Лохвицкая, и въ которой она царила единовластно, такъ какъ другой такой поэтессы у насъ нѣтъ и не было. Въ своихъ первыхъ произведеніяхъ она является поэтессою глгучей, пылающей истомной страстью, и культивируетъ чисто-вакхическіе темы и мотивы:

Пусть брызжетъ смѣло въ амфоры наши
Изъ сжатыхъ гроздьевъ янтарный сокъ!..
Эванъ! Эвое! поднимаемъ чаши,
Нашъ гимнъ прекрасенъ, нашъ міръ высокъ!..

Этимъ мотивамъ М. А. Лохвицкая оставалась вѣрна въ теченіе почти всей литературной карьеры. Она воспѣвала страсть и тоску любви и воспѣвала, надо сознаться, съ рѣдкой силой, яркостью и страстностью. Нерѣдко она вводила въ свои произведенія нѣкоторый экзотическій элементъ, распространялась о пальмахъ, лотосахъ, но это не портило, а скорѣе усиливало настроеніе. Впрочемъ, кое-гдѣ у нея чувствовалась все-таки нѣкоторая приность и изысканность эпитетовъ и образовъ, но и это было скорѣе характерно, чѣмъ неприятно.

Въ болѣе поздніе годы поэтесса отмежевала себѣ исключительно область такъ-называемой «чистой» или «парнасской» поэзіи, далекой отъ общественныхъ и житейскихъ тенденцій и идеаловъ. Она ушла въ «царство святой красоты», воспѣвала «блаженство нездѣшной страны» и «любовь совершенную», которая—

Будто сонъ, но несбыточнѣй сна,
Какъ мечта, но блаженнѣй мечты.

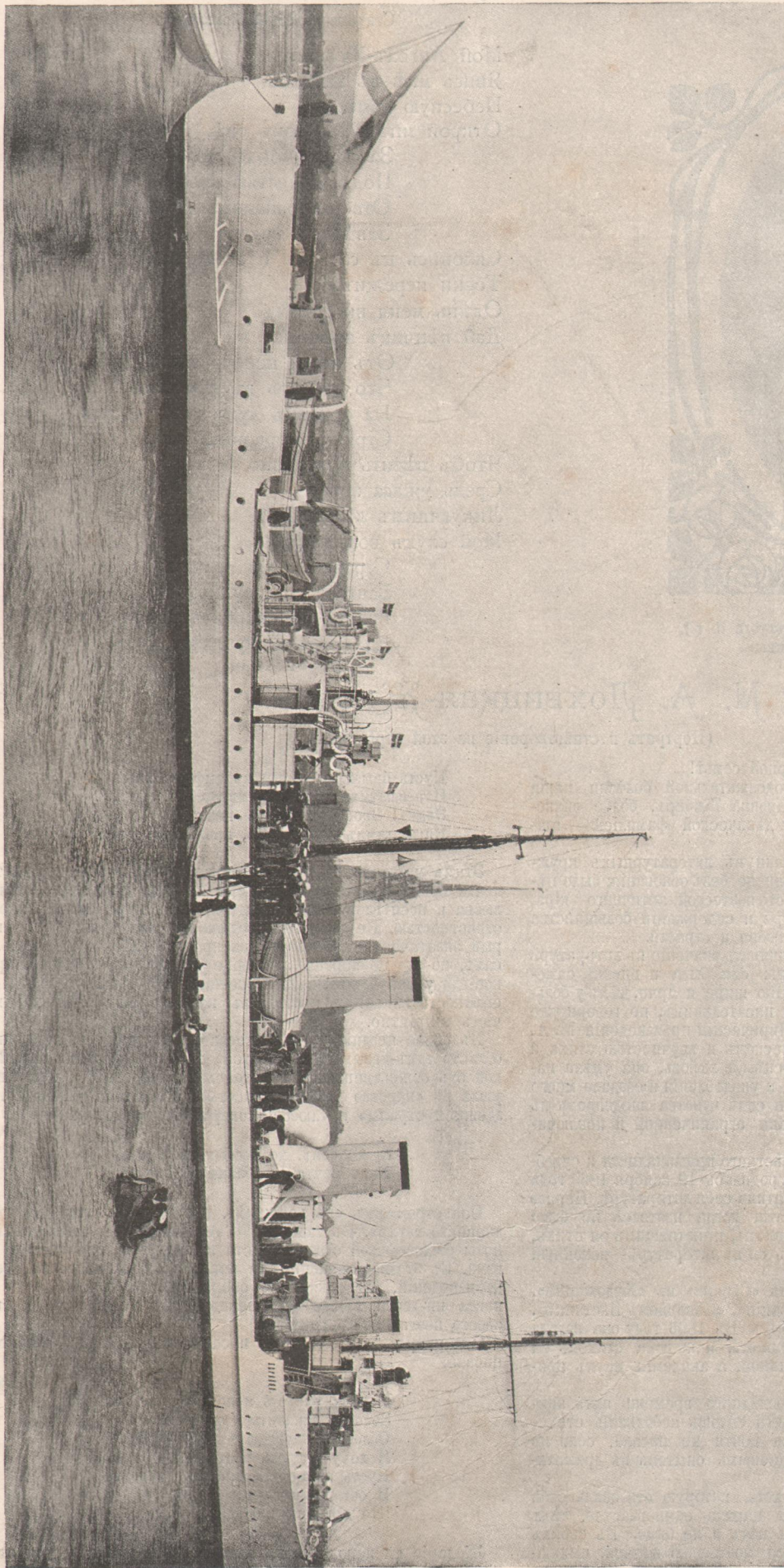
Она стремилась «къ вершинѣ», и разумъ ея былъ «къ зову вседневнаго глухъ». Въ талантѣ М. А. Лохвицкой стали слышатся ноты философской отвлеченности и какого-то лирическаго пантеизма. Въ этомъ отношеніи она могла бы дать много интересныхъ произведеній, но жизнь ея оборвалась какъ разъ въ то время, когда поэтесса только-что перешла на этотъ этапный пунктъ своего поэтическаго развитія.

Она умерла молодою. Она и сама желала такой смерти. Она писала:

Я хочу умереть молодой.
Золотой закатиться звѣздой,
Облетѣть неувыдшимъ пѣтлкомъ...
Я хочу умереть молодой...
Пусть не меркнетъ огонь до конца,
И останется память о той,
Что для жизни будила сердца...

Желаніе ея исполнилось, но отъ этого не дѣлается отраднѣе намъ, любившимъ и пріѣтствовавшимъ ея талантъ... Рано, слишкомъ рано умираютъ талантливые русскіе люди!

Новый минный крейсер „Украина“, построенный на добровольный пожертвования. По фот. К. Вулга, авт. «Пивва».

Особое Совѣщаніе для разсмотрѣнія дополнителныхъ правилъ къ положенію о Государственной Думѣ.

(Съ 14 портр. на стр. 769).

6 августа настоящаго года произошла, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, крупная реформа въ нашей государственной жизни. Въ этотъ знаменательный день было обнародовано положеніе о Государственной Думѣ, создающее новую эру для русскаго народа. Съ шестого августа 1905 года русскіе люди призваны къ фактическому участию въ политической жизни страны.

«Положеніе о Государственной Думѣ» печатается полностью въ нашемъ журналѣ, и намъ поэтому нѣтъ надобности останавливаться на содержаніи этого важнаго правительственнаго акта. Замѣтимъ только, что оно, какъ и почти всякій законъ, нуждается въ распространительномъ толкованіи и для своего примѣненія на практикѣ требуетъ еще многихъ разъясненій и дополненій. «Положеніе» создаетъ лишь общія очертанія новаго государственнаго порядка; оно устанавливаетъ извѣстныя формулы и схемы, но для приведенія этихъ схемъ и формулъ въ соприкосновеніе съ жизнью требуется посредствующая, разъясняющая и дополняющая, работа государственныхъ людей.

Въ виду этого, одновременно съ обнародованіемъ положенія о Государственной Думѣ, было Высочайше учреждено «Особое Совѣщаніе» для разсмотрѣнія и выработки дополнительныхъ правилъ къ узаконеніямъ о Государственной Думѣ. Такъ какъ предсѣдателемъ этого совѣщанія былъ назначенъ нынѣшній предсѣдатель Государственнаго Совѣта, д. т. с. графъ Сольскій, то оно получило въ обществѣ и печати болѣе краткое названіе «Совѣщанія графа Сольскаго».

Совѣщанію было предуказано заняться въ частности слѣдующими вопросами: 1) о выборахъ въ Государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской и губерній и областей сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степного и Туркестанскаго и Намѣстничества Кавказскаго, а также о выборахъ отъ кочевыхъ инородцевъ; 2) о приведеніи въ дѣйствіе положенія о выборахъ въ Думу и 3) о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій и государственной росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны ассигнованій, росписью не предусмотрѣнныхъ».

Въ составъ Особаго Совѣщанія вошли слѣдующія лица:

Предсѣдатель совѣщанія, гр. Д. М. Сольскій; члены совѣщанія: члены Государственнаго Совѣта Э. В. Фришъ и А. А. Шоловцовъ, генераль - адъютантъ

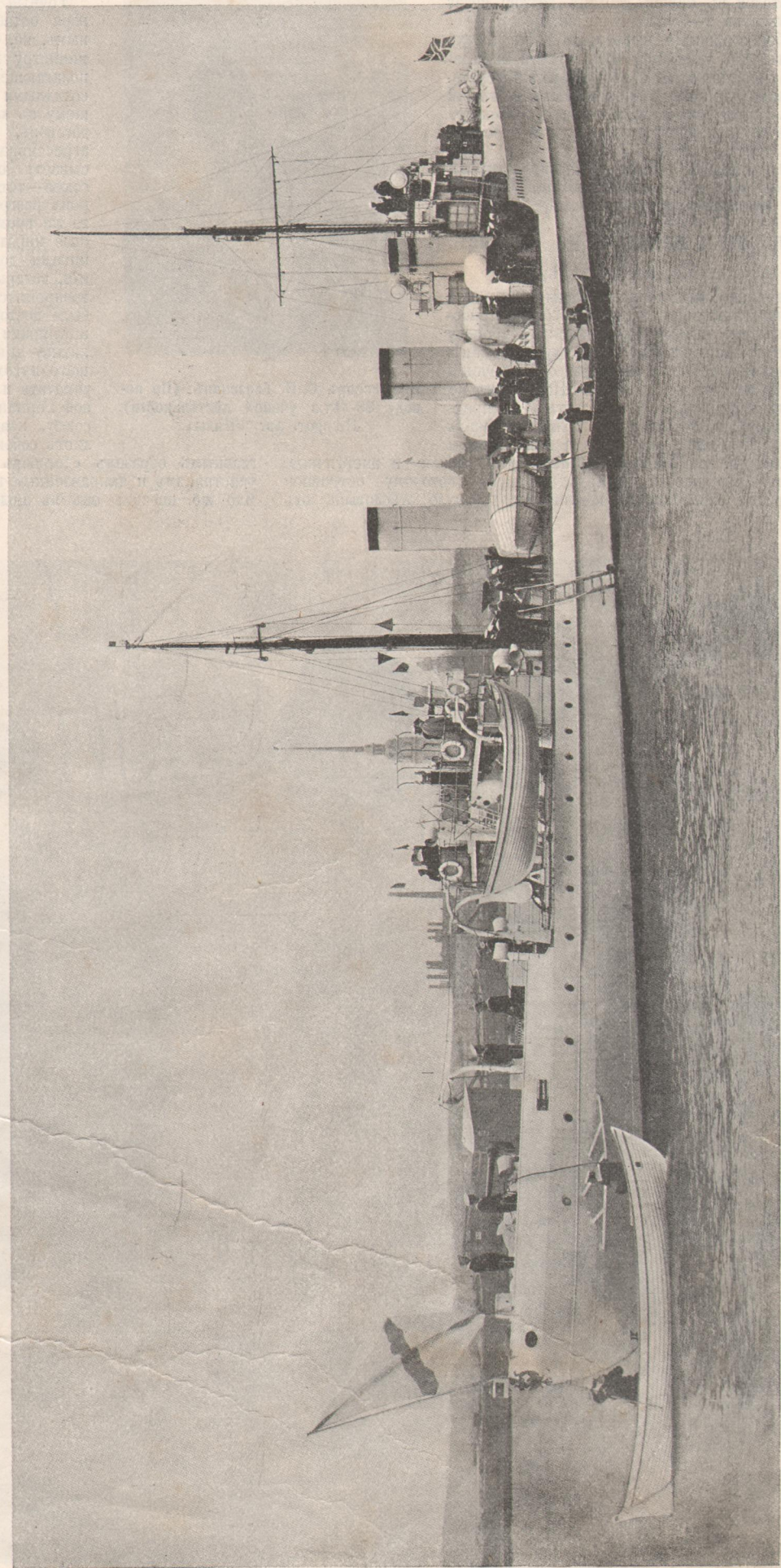
О. Б. Рихтеръ, кн. М. С. Волконскій, адмиралъ Н. М. Чихачевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Н. Н. Герардъ, генераль-адъютантъ гр. А. П. Игнатъевъ, И. Я. Голубевъ, Н. С. Таганцевъ, кн. А. Д. Оболенскій, а затѣмъ всѣ министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, государственный секретарь бар. Ю. А. Икскуль-Фонъ-Гильденбантъ, управляющій дѣлами комитета министровъ баронъ Нольде и генераль-майоръ Третьевъ. Кромѣ того въ особомъ совѣщаніи при обсужденіи финансовыхъ вопросовъ поведѣно присутствовать членамъ Государственного Совѣта: Куломзину, Тернеру, Иващенко, Сабурову 2, Кобеко, Шидловскому, Черванскому и Романову. Дѣлопроизводство по совѣщанію возложено на товарища государственнаго секретаря Харитонову.

Первое засѣданіе особаго совѣщанія состоялось 19 августа, при чемъ предметомъ обсуждения послужилъ проектъ правилъ о приведеніи въ дѣйствіе узаконеній 6 августа. Иначе говоря, совѣщаніе занималось выработкою подробностей относительно того, какимъ образомъ производить выборы въ Думу и какія слѣдуетъ принять подготовительныя мѣры для открытія Думы и приведенія ея механизма въ дѣйствіе.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ были окончательно обсуждены проекты всѣхъ этихъ подробностей. Между прочимъ были выработаны важныя правила для крестьянскихъ выборовъ въ Думу, при чемъ было установлено значеніе надѣльныхъ крестьянскихъ земель въ этомъ вопросѣ. Была точно определена роль полиціи въ предвыборныхъ собраніяхъ: совѣщаніе постановило, что полиція дѣйствуетъ на такихъ собраніяхъ «на общемъ основаніи», т. е. она обязана не допускать лишь противоправительственныхъ рѣчей и демонстрацій; во всемъ же остальномъ она не должна мѣшать свободному обмѣну мнѣній. Притомъ, по мнѣнію совѣщанія, присутствіе ея на собраніяхъ вовсе не обязательно.

Вслѣдъ затѣмъ особое совѣщаніе утвердило внесенный министромъ внутреннихъ дѣлъ проектъ правилъ о выборахъ въ Царствѣ Польскомъ.

Много труда было положено особымъ совѣщаніемъ и въ разработкѣ правилъ объ участіи горожанъ (въ частности жителей С.-Петербурга) въ государственныхъ выборахъ. Были установлены правила объ избирательныхъ собраніяхъ, о количествѣ избирателей и пр. Особое совѣщаніе, между прочимъ, предало нѣсколько важныхъ указаній петербургской городской управѣ (на запросъ городского головы). Изъ этихъ указаній выяснилось, что въ избирательные списки должны вноситься всѣ тѣ имущества, которыя принадлежать женщинамъ, и что женщины - собственницы имѣютъ полную свободу пере-

Новый минный крейсеръ „Войсковой“, построенный на добровольныя пожертвованія. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

давать свои избирательные права мужьям и сыновьям. Благодаря такому указанию, число избирателей в нашей столице должно сразу подняться на 2—3 тысячи человек.

Особое совещание выработало много новых правил: об удостоверении личности избирателей, о бюллетенях и порядке их подсчета, о правах членов избирательных комиссий и т. д. Вообще, на «комиссию графа Сольскаго» выпала трудная и серьезная, хотя и мелочная по внешности работа.

В настоящем № нашего журнала мы помещаем портреты членов совещания вместе с его маскитым председателем.

Группировка держав на Востоке. (Политическое обозрение).

В те напряженные и тревожные дни, когда внимание политиков всего мира было приковано к небольшому американскому городку Портсмуту, Англия и Япония, в глубокой тайне, вели между собою переговоры о заключении союза на новых основаниях. Над ним не мало поработали оба правительства. С предварительной подготовкой его молва связывала и лондонскую экскурсию принца Арисугавы и даже личное, в высшей степени решительное и энергичное, вмешательство короля Эдуарда, благодаря которому островное государство европейского континента дерзнуло отколоться от

Профессор С. П. Глазенаев. (По поводу 35-летия ученой деятельности).
По фот. авт. «Нивы».

Европы и обручиться с островным государством Азии.

Точный текст нового англо-японского договора остается до сих пор необнародованным, но, если верить бывшему французскому министру иностранных дел г. Ганото, располагающему по своему положению весьма солидными источниками сведений и поместившему в «Journal» обширную статью об этом договоре, последний вовсе не носит того агрессивного характера, какой ему приписывает европейская печать. Главная цель союза—установить безобидное для обеих сторон разграничение влияния на Востоке и в то же время сохранить statu quo. Англо-японское миролюбие стремится закрепить за участниками договора те приобретения и завоевания, которые ими сделаны до сих пор, и воспрепятствовать вторжению каких бы то ни было посторонних сил. В этом отношении английская дипломатия как бы повторяет политику князя Бисмарка после 1870 г., желавшего путем массивного тройственного союза упрочить и утвердить приобретения победоносной Германии. Подобно старому тройственному союзу, новый двойственный союз представляет собою, поудачному выражению г. Ганото, главным образом «договор о гарантиях», выгодный только участникам и направленный против всех остальных держав. Что же вносить он в положение европейских держав на

Китайские дети-курильщики. Рисунок нашего специального корреспондента В Табурина, авт. «Нивы».

Восток? По мнению французского дипломата, англо-японский договор, родившийся после наших военных неудач, надолго оставит Россию без выхода в Тихий океан. Россия должна сказать прости! — мечтает об активной империалистической политике, которая привели ее к тяжелому кризису, но и после неудач все же остается единственной обладательницей сухопутного транзита между Западом и Востоком, конкурирующего с морским путем через Суэц, и достаточно могущественной сухопутной державой, сумевшей постоять за свои права. Реорганизация армии, улучшение личного состава командующих, подбор талантливых людей сдѣлают ее неуязвимой на суше и способной к дальнейшему росту, насколько послѣдній оправдывается внутренним состоянием и благоустройством великой империи.

Америкѣ англо-японское соглашение не угрожает никакимъ ущербомъ, такъ какъ ея интересы, главнымъ образомъ, торговые. Напротивъ, она свободно можетъ даже примкнуть къ нему въ качестве третьяго члена, превративъ двойственный союз Востока въ тройственный. Выступивъ въ качестве мирнаго посредника въ дѣлѣ завершения русско-японской войны, Америка будетъ склонна больше всего удовлетвориться именно такою властною и почетною ролью въ необъятномъ бассейнѣ Тихаго океана, по

Лазаретъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Приемная. По фот. авт. «Нивы».

Лазаретъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Читальня. По фот. авт. «Нивы».

берегамъ котораго гигантская промышленность ея найдетъ богатые рынки для сбыта своихъ продуктовъ. Ей нуженъ Востокъ непорабощенный, открытый для свободнаго ввоза и по возможности благоденствующій, потому что только богатая страна можетъ быть хорошимъ потребителемъ. Америка не допуститъ ничьего господства и даже больше — ничьей торговой монополии на азиатскомъ материкѣ, но она и сама не пожелаетъ господствовать, и потому безъ труда помирится съ договоромъ, охраняющимъ политическое statu quo.

Въ несравненно болѣе шекотливомъ положеніи, по отношенію англо-японскаго союза, очутились Германия и Франція. Германия кромѣ коммерческихъ и промышленныхъ интересовъ на Востокѣ сумѣла связать себя территориальными пріобрѣтеніями, водворившись въ Шантунгѣ. Она господствуетъ въ Печелійскомъ заливѣ, столь близко къ самому сердцу Китая — Пекину. Позиція эта казалась безконечно прочной въ моментъ ея занятія, но послѣ русско-японской войны, открывшей эру политическаго, культурнаго и военнаго пробужденія Востока, едва ли кому-нибудь можетъ показаться такою же и теперь. Послѣ от-

дѣленія Англии отъ Европы и политическаго слиянія ея съ желтой расой, Германия не можетъ даже рассчитывать на поддержку и солидарность Англии и должна будетъ или направить все свои усилія на поддержку азиатскихъ владѣній, или же, по примѣру самой Англии, очистившей Вей-ха-вей, благообразно ликвидировать свою колониальную авантюру въ Шантунгѣ и вернуть Кіао-Чао Китаю — въ противномъ случаѣ ей придется вести трудную борьбу со всеми силами Востока въ чрезвычайно отдаленномъ районѣ при тайномъ и даже, можетъ-быть, открытымъ противоборствѣ своего промышленно-коммерческаго конкурента — владѣющей морскими сообщениями Англии. Борьба противъ нѣмецкаго господства въ Китаѣ уже началась и, весьма вѣроятно, ведется при замаскированномъ содѣйствіи европейскихъ друзей добраго Михеля. По крайней мѣрѣ, англійскія газеты, выходящія въ Тянь-Цзинѣ, сообщаютъ, что китайское населеніе въ Шантунгѣ готовится къ поголовному возстанію противъ нѣмцевъ. Каждая китайская семья обязалась поставить одного сражающагося, вооруженіе которому дается на средства, собранныя по подпискѣ. Нѣсколько тысячъ человѣкъ уже вполне готовы, чтобы поднять возстаніе.

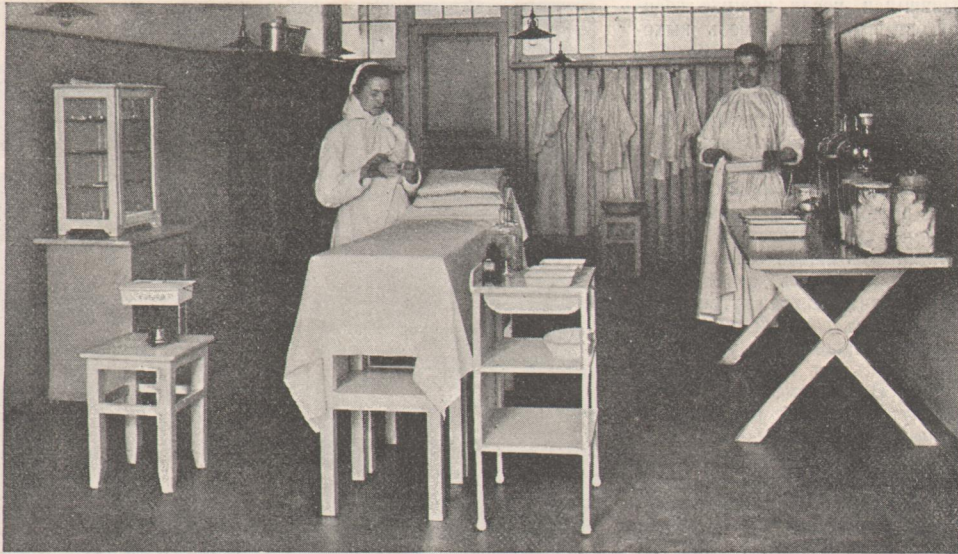
Востокъ густо минированъ, и для того, чтобы охранить себя отъ возможныхъ катастрофъ, герман-

Лазаретъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Раненыя, докторъ, завѣдующій лазаретомъ, сестры и санитары. По фот. авт. «Нивы».

цамъ остается только одно — по возможности скорее развязаться съ своимъ приобретениемъ.

Франція заняла въ Тонкинѣ несравненно болѣе прочное положеніе, главнымъ образомъ, благодаря тому, что уклонилась отъ соблазна приобретений въ сѣверномъ районѣ и сумѣла поддержать искренно-дружественныя отношенія къ своему сосѣду — Китаю. Въ ближайшее время ей не угрожаетъ никакая опасность. Когда-нибудь, разумеется, будетъ поставленъ общій вопросъ о правахъ господства европейцевъ на азиатскомъ материкѣ, но тогда дойдетъ очередь уже и до английскихъ владѣній, и до голландскихъ колоній, и т. д. Ко времени общей ликвидаціи колониальной политики на Востокѣ, общей борьбы Европы съ Азіей, политика европейскихъ державъ, вѣроятно, получитъ иное направленіе и не будетъ страдать такою глубокою разрозненностью интересовъ, какъ теперь.

Лазаретъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Операционно-перевязочная комната. По фот. авт. «Нивы».

Лазаретъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Столовая. По фот. авт. «Нивы».

Лазаретъ для раненыхъ воиновъ при Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

(Съ 5 рис. на стр. 775 и 776).

Только-что закончившаяся война Россіи съ Японіей дала неслыханное количество пострадавшихъ воиновъ. Ни одна изъ войнъ послѣдняго столѣтія не оставила послѣ себя такого кроваваго слѣда, какъ нынѣшняя. Тысячи больныхъ и раненыхъ солдатъ и офицеровъ тянутся теперь съ далекаго Востока на родину, ожидая встрѣтить въ ней пріютъ и успокоеніе.

И на родинѣ, къ счастью, находится не мало людей и учреждений, поставившихъ своей задачей помочь пострадавшимъ ратникамъ. Приняла свою долю участія въ этомъ святомъ дѣлѣ и Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Это важное государственное учрежденіе, не имѣющее никакого отношенія ни къ вра-

Группа чиновъ Управленія дежурнаго генерала при Главнокомандующемъ, на станціи Гунчжулинь. По фот. авт. «Нивы».

чебному дѣлу, ни къ дѣлу призрѣнія, тѣмъ не менѣе, открыло въ настоящее время въ своихъ стѣнахъ прекрасный, вполне благоустроенный лазаретъ, специально предназначивъ его для временнаго призрѣнія больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, служившихъ въ дѣйствующей арміи.

Лазаретъ организованъ всецѣло на пожертвованіи служащихъ Экспедиціи, пожелавшихъ помочь увѣчнымъ воинамъ не только простымъ сборомъ пожертвованій, но и устройствомъ для нихъ врачебной помощи. Устройство лазарета заняло сравнительно немного времени, и 16 іюня онъ уже былъ открытъ.

Экспедиція предоставила для него свое помѣщеніе и медицинскій персоналъ, въ лицѣ своихъ врачей и фельдшеровъ; содержаніе же и все необходимое для призрѣнія раненыхъ почерпается изъ пожертвованныхъ и жертвуемыхъ суммъ.

Лазаретъ рассчитанъ на 30 пансіонеровъ. Помѣщеніе его состоитъ изъ трехъ палатъ, по 10 кроватей въ каждой. Кромѣ того, имѣются: операционно-перевязочная комната, ванна, столовая, читальня, приемная, комната для сестеръ и комнаты для санитаровъ. Все помѣщенія отличаются просторомъ, обиліемъ свѣта и воздуха, идеальной чистотой и, вообще, полнымъ благоустройствомъ.

Такимъ образомъ, служащіе Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ вполне достойнымъ способомъ осуществили свое доброе намѣреніе помочь пострадавшимъ защитникамъ родной земли.

Возвращеніе С. Ю. Витте въ Петербургъ. Встрѣча на вокзалѣ Варшавской ж. д. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

Предсѣдатель Комитета Министровъ, статъсекретарь графъ Сергій Юльевичъ Витте, возведенный Высочайшимъ рескриптомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство.

По фот. Шапиро, авт. «Нивы».

С. П. Глазенапъ.

(Портр. на стр. 774).

14 сентября 1905 года исполнилось 35-лѣтіе ученой дѣятельности нашего извѣстнаго астронома С. П. Глазенапа.

Юбиларъ пользуется широкой извѣстностью не только у своихъ ученыхъ собратій, но и у большой публики, для которой онъ часто пишетъ интересныя популярныя статьи и читаетъ публичныя лекціи. Въ этомъ отношеніи за С. П. Глазенапомъ давно установилась заслуженная репутация прекраснаго популяризатора.

Сергій Павловичъ Глазенапъ родился въ 1848 году и происходитъ изъ дворянъ Тверской губерніи. Образованіе онъ получилъ въ тверской гимназіи и на физико-математическомъ факультетѣ с.-петербургскаго университета. Еще въ бытность студентомъ С. П. Глазенапъ получилъ золотую медаль за сочиненіе: «Объ арифметическихъ непрерывныхъ дробяхъ».

Въ 1870 году онъ былъ командированъ въ Пулковскую обсерваторію для пригото-

товленія къ профессорскому званію. Въ 1874 году участвовалъ въ экспедиціи, специально организованной для наблюденія за прохожденіемъ Венеры чрезъ солнечный дискъ. Въ составѣ этой экспедиціи С. П. Глазенапъ путешествовалъ по Восточной Сибири, гдѣ сосредоточивался, такъ сказать, главный фокусъ наблюдений.

Педагогическая дѣятельность юбилара началась съ 1876 года. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ приват-доцентомъ с.-петербургскаго университета по ка-

Возвращеніе С. Ю. Витте въ Петербургъ. Отъѣздъ съ вокзала Варшавской ж. д. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

одрѣ астрономіи и началъ чтеніе лекцій, продолжающееся и понынѣ. Съ 1889 года С. П. Глазенапъ имѣть званіе ординарнаго профессора.

С. П. Глазенапъ много потрудился для доставленія возможности студентамъ практически заниматься по астрономіи. Съ этой цѣлью онъ устроилъ при петербургскомъ университетѣ специальную студенческую обсерваторію, снабженную всѣми необходимыми принадлежностями.

С. П. Глазенапу принадлежит немало ученыхъ работъ, отличающихся большою эрудиціей и талантливостью изложенія. Въ 1889 году за свою извѣстную работу по изслѣдованію двойныхъ звѣздъ онъ получилъ отъ парижской академіи наукъ такъ-называемую «премію Вальса».

Юбиларъ пользуется заслуженными симпатіями со стороны своихъ слушателей-студентовъ, какъ прекрасный лекторъ. Въ его изложеніи «наука неба» пріобрѣтаетъ характеръ увлекательной фантастической повѣсти, а математическія выкладки носятъ характеръ той «изящности» и «элегантности», которая такъ привлекательна для всякаго математика—ученаго и учащагося.

Графъ С. Ю. Витте. (Съ портр. и 2 рис. на стр. 777).

Высочайшимъ Указомъ отъ 18 сентября нашъ «мирный побѣдитель японцевъ», С. Ю. Витте, въ награду за свою замѣчательную дѣятельность на портсмутской конференціи возведенъ въ графъ-

Витте: — я ничего на это не могу возразить: это дѣло ваше. Но чтобы вы Россію сравнивали съ Панамой, противъ этого я протестую.

Рузевельтъ расхохотался.

— Bien répondu!—сказалъ онъ.

Еще характернѣе другой эпизодъ изъ «портсмутской эпохи»: уже послѣ подписанія условій мира, въ разговорѣ съ Комураю, одинъ изъ собесѣдниковъ завелъ рѣчь о прочности этого мира.

— Это будетъ зависть, я думаю, отъ Россіи!—сказалъ Комура.

Затѣмъ съ отбѣнкомъ добродушной ироніи онъ прибавилъ, что «если, напримѣръ, русскіе захотятъ командовать въ Манчжуріи, какъ командовалъ господинъ Витте нами на нашихъ засѣданіяхъ, то, пожалуй, миру будетъ угрожать опасность».

Этими бѣлыми штрихами личность С. Ю. Витте и его поведение на конференціи обрисовываются чрезвычайно ярко: нигдѣ, никогда, даже въ дружеской шутивой бесѣдѣ онъ не отступалъ ни на шагъ отъ заповѣдной для него задачи сохранения достоинства Россіи, не позволялъ ни себѣ и никому другому задѣвать нашу національную честь и въ сношеніяхъ съ японцами держался внушительнаго, достойнаго тона, все время памятуя о томъ, что не торговаться и не заискивать предъ «побѣдителями» явились мы на конференцію, но, просто, сообщить свои условія и получить тотъ или другой отвѣтъ.

Спокойный, внушительный тонъ, увѣренность въ себѣ и энер-

Проф. кн. С. Н. Трубецкой, ректоръ московскаго университета.

Проф. И. И. Боргманъ, ректоръ с.-петербургскаго университета.

Проф. Е. О. Карскій, ректоръ варшавскаго университета.

Первые выборные ректоры нашей высшей школы. По фот. авт. «Нивы».

ское достоинство. Награда эта, по словамъ Указа, даруется ему именно «въ воздаяніе его заслугъ предъ Престоломъ и Отечествомъ и отличнаго выполненія возложеннаго на него порученія первостепенной государственной важности».

Въ самомъ дѣлѣ, графу С. Ю. Витте принадлежитъ величайшая заслуга въ дѣлѣ только-что заключеннаго мира. Только благодаря его изумительной выдержкѣ, его такту, уму и полному достоинству обращенію съ японцами, Россіи удалось заключить почетный миръ и сохранить свое государственное достоинство. Не дипломатъ по профессіи, графъ С. Ю. Витте, такъ и того значенія, которое онъ возымѣлъ на конференціи, мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя подробности его пребыванія въ Америкѣ.

Въ свое время наши читатели уже были освѣдомлены о всѣхъ перипетіяхъ портсмутской конференціи и о той роли, какую въ ней игралъ нашъ главноуполномоченный, и намъ теперь нѣтъ необходимости повторяться. Но для болѣе полной характеристики, какъ самого графа С. Ю. Витте, такъ и того значенія, которое онъ возымѣлъ на конференціи, мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя подробности его пребыванія въ Америкѣ.

Президентъ Рузевельтъ однажды заявилъ Витте, что если Японія завладѣла Сахалиномъ, то не можетъ быть и рѣчи о его возвращеніи Россіи. На это Витте отвѣтилъ, что онъ совсѣмъ иначе смотритъ на вопросъ. Японія захватила Сахалинъ, но правъ на него не имѣетъ. Сегодня она владѣетъ имъ de facto, а черезъ 5—10 лѣтъ Россія можетъ взять Сахалинъ обратно.

— А! — сказали, смѣясь, Рузевельтъ: — это выходитъ нѣчто въ родѣ Панамы. Панама считаетъ себя de jure своимъ, а de facto мы этого знать не хотимъ и считаемъ Панаму нашей.

— Если вы себя сравниваете съ Японіей, — отвѣтилъ С. Ю.

Витте сразу сказались на засѣданіяхъ конференціи особымъ перевѣсомъ въ сторону русскихъ представителей, и нашъ главноуполномоченный быстро завоевалъ то исключительное положеніе въ ней, которое чрезвычайно импонировало японцамъ и было ими совершенно вѣрно охарактеризовано, какъ «командующее». Вмѣстѣ съ тѣмъ, внушительная личность С. Ю. Витте поразила воображеніе и американцевъ: они возымѣли самыя горячія симпатіи къ русскому сановнику, и миссія С. Ю. Витте встрѣтила неожиданную опору и поддержку среди американскаго народа. Недаромъ въ прощальной бесѣдѣ Витте съ Рузевельтомъ послѣдній сказалъ ему: «Ну, г. Витте, васъ такъ любили въ Америкѣ, что если вы захотите пріѣхать къ намъ и пожить здѣсь три года, то черезъ три съ половиною года васъ, пожалуй, изберутъ президентомъ».

Короче говоря, графъ С. Ю. Витте своими личными качествами и своей дѣятельностью усилилъ и расширилъ значеніе своей американской миссіи: добившись почетнаго мира съ Японіей, онъ задано съ тѣмъ возвысилъ престижъ Россіи въ глазахъ американцевъ и, если можно такъ выразиться, подружилъ Россію съ Америкой. Въ этомъ отношеніи,—въ отношеніи охраненія и возвышенія нашего національнаго престижа,—гр. С. Ю. Витте сдѣлалъ чрезвычайно много. И поэтому онъ съ полнымъ правомъ можетъ считаться теперь нашимъ національнымъ героемъ, и всѣ почести, выпавшія теперь на его долю, вся его слава—все это имъ вполне заслужено.

И не только Америка, но и весь цивилизованный міръ смотрятъ на него, какъ на одного изъ крупнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ современныхъ героевъ. Путешествіе гр. С. Ю. Витте по Европѣ, при его обратномъ поѣздѣ въ Россію, сдѣлало для него триумфальнымъ шествіемъ. И въ особенности онъ былъ чествуемъ въ сосѣдней съ нами Германіи, императоръ которой рѣшилъ воздать гр. С. Ю. Витте чисто королевскія почести.

С. Ю. Витте прибылъ въ Берлинъ 11 сентября, а 13 сентября отправился представиться германскому императору въ его охотничій замокъ Роминтенъ, находящійся недалеко отъ русской границы. Около замка С. Ю. Витте встрѣтилъ самъ императоръ и лично провелъ его въ отведенное для него помѣщеніе. Затѣмъ онъ повелъ С. Ю. Витте къ императрицѣ и представилъ ему свою свиту. Въ этотъ день С. Ю. Витте завтракалъ и обѣдалъ у императора, въ теченіе дня провелъ нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ нимъ и затѣмъ весь вечеръ оставался съ императоромъ и императрицей въ кругу ихъ приближенныхъ. Утромъ на слѣдующій день германскій императоръ лично проводилъ гр. С. Ю. Витте на вокзалъ.

Вильгельмъ II пожаловалъ С. Ю. Витте совершенно исключительную награду, а именно, дѣль ордена Чернаго Орла, а также своей портретъ въ золотой рамѣ съ надписью, касающейся той высокой миссіи, которую С. Ю. Витте такъ удачно выполнилъ въ Портсмутѣ.

Во время бесѣды въ Роминтенѣ германскій императоръ, между прочимъ, сказалъ С. Ю. Витте: «Я оказываю вамъ почести, какъ коронованной особѣ. Вы совершили чрезвычайный подвигъ. Я поздравляю Россію, обладающую такимъ государственнымъ дѣльтелемъ. Если бы у монарховъ было больше такихъ вѣрныхъ слугъ, то о государяхъ были бы лучшаго мнѣнія».

Въ С.-Петербургѣ С. Ю. Витте вернулся изъ своей амерп-

Автономія нашей высшей школы.

(Съ 6 портр. на стр. 778 и 779).

Университетскій вопросъ занялъ въ истекающемъ году особовыдающееся положеніе. Университеты, и всѣ вообще высшія учебныя заведенія въ Россіи, какъ извѣстно, забастовали, и такимъ образомъ у насъ, начиная съ января—февраля 1905 года, высшее образование фактически прекратилось.

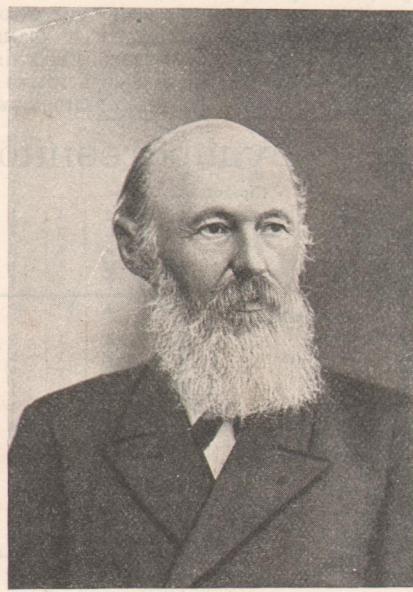
Въ числѣ причинъ этого неслыханнаго положенія вещей, ознаменовавшагося закрытіемъ всѣхъ университетовъ, не безъ основанія слѣдуетъ считать несовершенство дѣльствовавшаго университетскаго устава 1884 года. Академическая жизнь, еще ранѣе того въ корнѣ подорванная этимъ неудачнымъ уставомъ, была теперь окончательно имъ погублена. И Богъ знаетъ, до чего дошли бы наши высшія школы настоящей осенью, если бы не знаменательный правительственный актъ 28 августа, даровавшій университетамъ одну изъ существеннѣйшихъ академическихъ прерогативъ—самоуправленіе.

Этому живительному началу, нѣкогда одухотворявшему наши университеты, но, къ сожалѣнію, устранившему пресловутымъ уставомъ 1884 года, теперь, повидимому, суждено влить новыя силы въ угасшій-было организмъ нашего высшаго образованія.

Много дѣль университеты ждали, какъ манны небесной, самоуправления, и поэтому нетрудно понять и оцѣнить всю радость

Проф. А. А. Волонинъ, директоръ с.-петербургскаго технологическаго института.

Проф. Л. В. Рейнгартъ, ректоръ харьковскаго университета.

Проф. Н. Л. Шукинъ, директоръ женскаго политехническаго института въ Москвѣ.

Первые выборные ректоры нашей высшей школы. По фот. авт. «Нивы».

канской поѣздки 15-го сентября въ 8 часовъ утра. Несмотря на раннее утро, встрѣтить его собралось много публики, и встрѣча была самая задушевная, при чемъ въ отвѣтъ на рѣчи и привѣтствія С. Ю. Витте произнесъ очень теплую и содержательную рѣчь. И немедленно по вступленіи на родную землю, С. Ю. Витте удостоился величайшей монаршей милости.

Въ тотъ же день, т. е. 15-го сентября, Государь Императоръ изволилъ послать ему нижеслѣдующую телеграмму:

«Привѣтствую васъ съ возвращеніемъ изъ Вашингтона послѣ блестяще выполненнаго вами Моего порученія первостепенной государственной важности. Приглашаю васъ прибыть ко Мнѣ въ пятницу въ Біоркэ-Зундъ на яхту «Полярная Звѣзда». По Моему повелѣнію яхта «Стрѣла» будетъ послана въ ваше распоряженіе.

НИКОЛАЙ.

Яхта «Стрѣла» пришла въ Біоркэ-Зундъ 16-го сентября въ 4½ часа дня, въ то время, какъ Ихъ Императорскія Величества изволили слѣзжать на берегъ. По возвращеніи на Императорскую яхту «Полярная Звѣзда», въ 6½ часовъ вечера, Государь Императоръ тотчасъ же изволилъ послать паровой катеръ за статс-секретаремъ Витте, который немедленно былъ принятъ Его Величествомъ съ докладомъ.

Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше пожаловать С. Ю. Витте графское достоинство и пить за его здоровье.

На слѣдующій день графъ Витте былъ приглашенъ на Императорскую яхту «Полярная Звѣзда» къ Высочайшему завтраку, послѣ чего на яхтѣ «Стрѣла» отбылъ въ Петербургъ.

Такъ чествуемъ былъ герой Портсмутской конференціи,—нашъ нынѣшній національный герой, графъ С. Ю. Витте.

нашихъ профессорскихъ коллегій при извѣстїи о дарованной наконецъ автономіи.

Въ сущности, указъ 28 августа, предоставившій университетамъ свободу управленія, вовсе не является чѣмъ-либо неожиданнымъ, такъ какъ необходимость реформъ въ дѣль высшаго образованія сознава была уже давно, и уже давно рѣшено было приступить къ реформамъ.

Текущія событія лишь ускорили ихъ появленіе; но нужно сознаться, указъ объ автономіи появился какъ нельзя болѣе своевременно.

Что такое, въ сущности, университетская автономія?

Подъ этимъ именемъ подразумѣвается право каждаго университета самоопредѣляться во всѣхъ проявленіяхъ его жизни. Университетская автономія—это такое положеніе вещей, когда университетъ представляетъ собою самостоятельную единицу и живетъ и управляется вполнѣ по-своему, заводя свой собственный распорядокъ и, главное, избирая своихъ правителей исключительно изъ своей же среды.

Какими выгодами ознаменовывается такой порядокъ вещей? Да прежде всего каждому университету дорого то, что во главѣ его стоитъ человекъ, избранный самимъ университетомъ и поэтому прїятный большинству (если не всѣмъ) учащихся и учащихся. И уже это одно вносить крупную долю умиротворенія и довольства въ университетскую жизнь. Возникаетъ болѣе тѣсная связь между всѣми членами учебнаго заведенія и, благодаря такой связи, представителю высшей школы легче влѣзть на учащихся, легче установить порядокъ и спокойствіе въ стѣнахъ университета.

Затѣмъ при автономіи является возможность организовать свой собственный судъ, свою собственную инспекцію, что, конечно, также вноситъ удовлетвореніе и умиротвореніе въ стѣны учебнаго заведенія. Институтъ педелей и субинспекторовъ достаточно заявилъ себя разными отрицательными качествами; но

только при автономии университет может ограничить или даже совсем устранить эту внутреннюю университетскую полицию, так недобудимую студенчеством.

Помимо всего этого, автономическое начало, вообще, возвышает университет, окружает его особым ореолом величия и блеска и дает ему особое, вполне достойное храма науки, значение в государственной и общественной жизни.

Вот потому-то автономия и должна внести умиротворение и порядок в нашу высшую школу, и мы твердо убеждены, что она внесет его.

Прежний порядок, когда ректор назначался министром, инспекция имела особо важное значение и авторитет, и не было органа университетского самоуправления, теперь совершенно отменяется введением автономии, но в какой мере, однако, вообще, осуществлены принципы университетской самостоятельности знаменательным указом 28 августа?

Указ предоставляет университетам избирать из среды профессоров ректора, декана и секретарей факультетов. Наблюдение за правильным ходом университетской жизни возлагается на совет профессоров, и для этой цели совету предоставляется «принимать соответственные меры».

Ректору, избранному университетом из среды своих профессоров, вверяется начальство над инспекцией.

Разбирательство по студенческим делам вверяется профессорскому дисциплинарному суду.

Таким образом, университетам даруются крупнейшие преимущества. Совет, т. е. сам же университет, в лиц своих профессоров, вдает все свои внутренние дела, инспекция подчиняется ректору (а вместе с ним и совету, т. е. значит, опять-таки, самому же университету) и, наконец, вводится корпоративный суд. Из всего этого явствует, что указ 28 августа даровал

университетам самоуправление в весьма полном и законном виде, и будущее время, несомненно, принесет дальнейшее его усовершенствование, так как, повторяем, университетская реформа стоит на очереди, и дарование автономии — лишь первый шаг в деле грядущих университетских реформ.

Как и следовало ожидать, новые правила вызвали большой подъем духа в профессорских университетских кругах. Согласно требованию указа, стали немедленно производиться выборы ректоров, деканов и секретарей во всех наших университетах.

В настоящее время выборы эти уже закончились, и во главе каждого университета стали популярные и любимые профессора: в с.-петербургском — И. И. Богрман, в московском — кн. С. Н. Трубецкой, в варшавском — Е. Ф. Карский, в харьковском — Л. В. Рейнгарт, в спб. технологическом институте — А. А. Воронин, в московском женском политехническом институте — Н. Л. Шуклин. Первоначально автономия была дарована только университетам, ветеринарным и технологическим институтам, ярославскому лицей, московскому техническому училищу и ново-александровскому сельско-хозяйственному институту. Но указом 17-го сентября принцип автономии распространен и на все остальные высшие учебные заведения Империи (за исключением лишь двух историко-филологических институтов, Лазаревского института восточных языков и лицея цесаревича Николая в Москве). И теперь уже производятся выборы и в этих заведениях.

Дай Бог, чтобы эта желанная, долгожданная реформа внесла, наконец, умиротворение в наши высшие школы. В руках у любимых и уважаемых студенчеством деятелей управление учебными заведениями пойдет, навстречу, глаже и лучше, и все дело теперь только в том, чтобы улеглись страсти, и восторжествовало благоразумие в среде учащихся.

Учреждение Государственной Думы.

(Продолжение).

Приложение к статье 4. РОСПИСАНИЕ числа губернских выборщиков.

Table with columns: Наименование губерний и уездов, Число выборщиков, and sub-columns for different types of voters (from total voters to city voters).

Table listing guberniya (e.g., Владимирская, Вологодская, Вольнская, Воронежская) and their corresponding number of voters in various categories.

Table listing guberniya (e.g., Курортаякский, Нижегородский, Ярославский, Вятский, Гродненская) and their corresponding number of voters in various categories.

Table listing guberniya (e.g., Витебский, Виленский, Воронежская) and their corresponding number of voters in various categories.

Содержание. ТЕКСТЫ: Испорченная натура. Повесть кн. М. В. Волконской. (Продолжение). — На войне. (От нашего специального корреспондента). — Вечер на Карадаг. — Молитва послѣ сюрри. Стихотворение М. Лохвицкой. — М. А. Лохвицкая-Жибер. — Особое совѣщаніе для разсмотрѣнія дополнительныхъ правилъ къ положенію о Государственной Думѣ. — Группировка держав на Востокъ. (Политическое обозрѣніе). — Лазаретъ для раненыхъ горнозвѣ при экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. — С. П. Глазенапъ. — Графъ С. Ю. Витте. — Автономія нашей высшей школы. — Учрежденіе Государственной Думы. (Продолженіе). — Объявленія. Р И С У Н К И: Гробница Геркулеса. — Утренній туалетъ куклы. — Лакомка. — Вечеръ на Карадагъ. — Особое Совѣщаніе графа Сольскаго для разработки дополнителныхъ о Государственной Думѣ правилъ. — М. А. Лохвицкая-Жибер. — Новые минные крейсера, построенные на добровольныхъ пожертвованія: 1) „Ураина“. 2) „Бойсковой“. — Профессоръ С. П. Глазенапъ. — Китайскіе дѣти-курльщики. — Лазаретъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ: 1) Приемная. 2) Читальня. 3) Раненые, докторъ, завѣдующій лазаретомъ, сестры и санитары. 4) Операционно-перевязочная комната. 5) Столовая. — Группа чиновъ Управленія дежурнаго генерала при Главнокомандующемъ, на станціи Гунчжунлинъ. — Возвращеніе С. Ю. Витте въ Петербургъ: Встрѣча на вокзалѣ Варшавской ж. д. — Предсѣдатель Комитета Министровъ, стасъ-секретарь, графъ Сергій Юльевичъ Витте. — Возвращеніе С. Ю. Витте въ Петербургъ: Отъѣздъ съ вокзала Варшавской ж. д. — Первые выборные ректоры нашей высшей школы. 1) Профессоръ князь С. Н. Трубецкой. 2) Профессоръ И. И. Богрманъ. 3) Профессоръ Е. Ф. Карскій. 4) Профессоръ А. А. Воронинъ. 5) Профессоръ Л. В. Рейнгартъ. 6) Профессоръ Н. Л. Шуклинъ. Нѣ этому № прилагаются: „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за октябрь 1905 г., 2) „ПАРИЖСкіЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1905 г. съ 27 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 33 рис. руководѣльныхъ работъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.